

О МОИХ КОРНЯХ

НАВЕРНО, на всей земле нет человека, который бы никогда не летал во сне.

Я за всю жизнь летал во сне часто и подолгу и каждый раз при этом чувствовал себя всемогущим. Стоит раскинуть руки — и отрываешься от земли, паришь над крышами, над лесами, над горами. Стоит пожелать — и все самое необходимое сбывается: к людям приходит счастье и достаток, и самого тебя начинают любить, потому что ты сильный и добрый.

Конечно, во сне пишется и лучшие книги, такие, которые способны влиять на судьбы людей.

Хорошо все-таки быть сильным и добрым — всемогущим!

Говорят, что с годами человек перестает видеть сны, в которых он летает. Не дай бог мне дожить до такой поры!

Я все еще летаю, хотя в марте этого года мне исполняется уже пятьдесят лет. Летаю и все еще мечтаю, что

смогу сделать что-то очень хорошее. Мечтаю даже больше, чем раньше, особенно теперь, когда всерьез взялся, наконец, за прозу.

«Перевалила жизнь за половину, А я всю думаю, что горы сдвину...»

«Горы сдвинуть», конечно, никому из писателей не дано, но послужить «правде-матке» хочется...

До последнего времени я печатал, в основном, стихи и поэмы. Из тридцати с лишним поэтических сборников лучшей считаю книгу стихов «Советы», вышедшую в 1961 году. Это плод моего заозлобленного «переходного возраста», она выстрадана, а не сочинена.

Прозаический дебют свой отношу к 1956 году, когда был опубликован рассказ «Рыцари». После этого я долго ничего не печатал, хотя писать продолжал, и в 1962 году у меня вышло сразу три венца: «Сирота», «Две берлоги» и «Вологодская свадьба».

Если в дальнейшем пойдет так, как задумано и как хочется, то в текущем году напечатано еще две-три из имеющихся у меня повестей и пьесу «Переходный возраст». Готовлю так же новую книгу стихов.

Писать много о себе не хочется. Верю, что у меня еще «все вперед». Но для новых моих читателей, вероятно, не будут лишними несколько слов о том жизненном материале, которым я располагаю.

Я родился и вырос в северных лесах, среди охотников и звероловов. Бездорожный край наш труден для жизни, но полон поэтического своеобразия и дремучей старины с ее былинами, сказками и бывальщинами. В Вологодской и Архангельской областях — что ни район, то свой особый говорок: мы окаем, цокаем и чокаем. Поевое и старое, самобытное, как бы спелось у нас в затейливые кружевные узоры. Рядом с колхозными электростанциями стоят дере-

вянные шатровые церкви, а в Тарпогском районе женщины и по сей день поют расшитые бисером кокошники и встречным вместо приветствия молчаливо отвечивают низкие поклоны, касаясь земли рукой. Многие из моих земляков не видели железной дороги, но зато летают на самолетах.

Я с детства приобщился к тяжелому и радостному крестьянскому труду — умел пахать, косить, метать стога, жать серпом, плести запти и даже прять лён с веретеном и ткать пестрядь на самодельном стане. В 1954 году на целинных землях Алтая, чтобы лучше сблизиться с молодыми хлеборобами, я окончил вместе с ними курсы трактористов и сейчас могу работать и на тракторе.

Жизненный путь мой не прост. Я с детства знал, что буду поэтом, но в начале работал избачом, учителем, газетчиком, затем, по окончании московского Литературного института, прошел всю войну с морями, а сельский материал мне как писателю вестки роднее и ближе всего.

Страну свою я исколесил вдоль и поперек и знаю не только северную деревню, но писать хочется больше о тех местах, где я вырос, о своей заблудившейся в лесах деревне Блудново, в которой и поныне живут мои неграмотные мать и сестра, мои «родичи и дядичи».

Конечно, землякам моим не легко (много еще на Вологодчине дикости и прочих темных пятен), но я люблю свою сельщину такой, какова она есть, и большую часть года провожу не в Москве, а в родных Никольских и Великоустюгских суземах. Бывает, что друзья тянутся за благодатные южные пляжи, в равные заморские страны, а я хоть и мечтаю о заграничных путешествиях, но оказываюсь неизменно в Вологодской области. Там все мои корни, все мои начала, там моя литературная судьба, мои герои...

10 января 1963 года.

(Для журнала «Советская литература» на иностранных языках).

На снимках: А. Ятин на родине.

ЭТЮДЫ О РОДИНЕ

КАК это случилось — и сейчас я сам уже понять не могу. Вдруг представилось, что построить избу в лесу дело не трудное. Изба ведь из лесу, деревянная, а лес — вот он, кругом, строевой, сосна к сосне и каждая сосна, что вирничная труба с зеленым дымком под облаками. Это, к сожалению, не мое сравнение. Это сказал поэт Александр Романов.

Только бы колхоз согласился помочь. А как он может не согласиться: колхоз-то ведь «мой». Здесь я родился и вырос, и кроме пользы от меня никому ничего не было. Я по только стихи всю жизнь об этом колхозе пишу, но делал для него кое-что и более серьезное: после войны в Москве через Министерство сельского хозяйства доставал строительные гвозди, которые тогда ценились на вес золота, однажды смог приобрести грузовую машину, а это уже несколько десятков лошадиных сил, а не как-то там не всем понятные рифмы.

Представилось так же, что изба эта на высоком берегу реки мне совершенно необходима: каждое лето я буду сидеть в ней и писать так, как никогда и нигде мне еще не писалось. Это будет рабочий домик поэта. Да что поэта — я

решил, что именно здесь-то и смогу стать настоящим прозаиком. Давно уже задумал и выношен мною большой роман, — где же его и писать, как не на Бобринском Угоре, знакомом и родном мне с детства. Даже названия окрестных деревень здесь милы мне: Липово, Блудново, Сторожевая, Скочково, Осипово. А поляки какие кругом: Лебяжье, Смирлякиха, Бобреха, Вязовики... Герои мои сами будут приходить ко мне на дом, в гости, это мои земляки, сверстники, бывшие сенокосники — Горчаковы, Коноплевы, Цицынцевы, Мишеневы, Поповы, Поликарповы, Залесовы...

Только бы председатель колхоза «пошел мне навстречу!» А почему бы и не пойти ему навстречу мне, хотя он и не местный, не Вершинин какой-нибудь, а Берсеев, но ведь тоже — земляк, тоже — вологодский мужик? Не может он не понять, что крутой Бобринский Угор, на котором я в былые годы вместе с одноклассниками продрал не одни штанишки, чтоб убедиться, что земля поката (сидь на собственных ягодицы и катись), что Угор этот влечет меня к себе и поныне, что он — моя судьба, что, может быть, именно на нем суждено мне сложить и брешные свои кости.

Тянет в простор полей С каждой весной упорней. Все-таки на селе Все мои корни...

13 июня 1962 года. Блудново.

ПОД крутизной Бобринского Угора Юг-река идет напрямком поворачивает на запад. В темной этой излуке постоянно ходят воронки, глубина казалась непостижимой, дно черным и страшным. Да и есть ли оно здесь? Где же и водиться чертям, как не в таком омуте?

Все мои воспоминания о раннем детстве связаны с Бобринским Угором. В омуте, конечно, никто никогда не купался, а мы, ребята, даже близко к нему подходить не решались, но сам Угор был излюбленным местом наших сборищ.

Если смотреть на Бобринский Угор со стороны реки, видна на нем среди кустов и сосен почти отвесная песчаная полоса желтокрасного цвета. Это мы съезжали с Угора вниз, продирая штаны, у кого они были, а то до крови параяла собственное то самое место. Съезжали смело, с разбега, вместе с потоками сухого песка и гальки. Мы драли штаны, а дома матери драли

нас, но во любви нашей к Бобринскому Угору это никак не сказывалось.

Если же стоять на Бобринском Угоре лицом на юг и смотреть с него вниз и вдаль, то перед глазами, прямо на вас, как бы под ноги текла река откуда-то издалека, из таинственных лугов и лесов на горизонте и вправо, на запад уходила река, к Бобринским полям, к Куданге, к Переволокам и Баданихам (это все названия сенокосов), а слева было озеро Старица — во всю извилистую длину старого русла Юг-реки.

Ранней весной, когда речные ивняки и леса еще не густели от зелени, даль просматривалась необозримая, и озеро, и русло реки со всеми его поворотами видно было на многие километры, и даже заречные луга были как на ладони, и до деревни Липова, казалось, рукой подать. То же самое — осенью, когда опадала листва и лес так же свертывался, редел, словно его сквозняки продували.

А летом река пряталась в густых прибрежных зарослях, да и мелела к тому же, словно в землю уходила, и лес раздавался во все стороны — густой, непреходимый.

30 ноября 1964 года.